

ЛУКА КАРИМОВА

ЧЁРНЫЙ УТЁС

Лука Каримова

Чёрный утёс

Серия «NoSugar. Сказки»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70298212

Чёрный утёс: NoSugar Books / Л. Каримова: Издательство АСТ;

Москва; 2024

ISBN 978-5-17-160719-7

Аннотация

После нескольких лет брака из-за невозможности Нокте зачать и выносить наследника король Готфрид отправляет ее в замок Чёрный Утёс на побережье и женится второй раз. Вместе с Нокте в замке живет только старая служанка и повар. Сама русалка очень слаба здоровьем, но часто и подолгу гуляет по пляжу. Однажды во время такой прогулки она находит выпотрошенный труп тритона. Осмотрев его, Нокте понимает, что у трупа нет жемчужины – средоточия магии, жизни и силы подводного народа. За осмотром трупа ее застает тритон Хаос. Через некоторое время, после появления на пляже второго трупа без жемчужины, Нокте и Хаос заключают договор о совместном расследовании.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава 1	7
Умбра	7
Черный утес	14
Глава 2	29
Черный утес	29
Нокте	34
Сомбра	41
Глава 3	49
Черный утес	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

ЛУКА
КАРИМОВА

ЧЁРНЫЙ УТЁС

Лука Каримова

Чёрный утёс

© Каримова Л., 2024

© Ана Награни, иллюстрации, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

«Издалека окутанный туманом Черный утес всегда казался мореплавателям зловещим местом, парящим над землей в хмурых облаках.

Капитаны судов обходили этот проклятый утес стороной, чтобы не напороться на колючие рифы. Поговаривали, что Черный утес был прибежищем морской колдуньи, но вот уже много лет ее никто не видел, однако слухи о ней продолжают будоражить земли Сорфмарана. Местные старожилы еще помнили наказ колдуньи: „Беря у моря дары, отблагодари и не оскорбляй темные воды потрохами мертвых“. Поэтому рыбаки держали лодки с сетями подальше от воды, чистили улов на суше, а остатки сжигали в огне, чтобы не гневить колдунью и ее питомцев – морских чудовищ, затаившихся в северных водах. Нерадивых море могло проклясть, отобрав заработок и жизнь. Стихия наказывала людей за неуважение, лишая благодати».

Умбра

Когда Эриде¹ доложили о разводе Нокте², она рассмеялась

¹ Эрида, Эрис (борьба, ссора, соперничество) – в древнегреческой мифологии богиня раздора и хаоса.

и продолжала хохотать так долго, что слуги начали испуганно поглядывать на госпожу, впервые видя ту в приподнятом настроении. Королева испытала удовлетворение и радость. Ее предсказания сбылись: непутевая сестра встала на путь одиночества, и лелеемое счастье малышки Нокте обернулось горем.

«Никто не утешит, не обнимет, она совершенно одна», – думала Эрида о младшей сестре.

– Так тебе и надо, ты наконец-то получила по заслугам, – повторяла королева, восседающая на коралловом троне. Сквозь полупрозрачный купол-потолок пробивались солнечные лучи, и чешуя, облегающая тело Эриды, сверкала.

– Что прикажете, моя королева? – к ней подплыл черно-волосый тритон. Мышцы перекачивались под его бледно-голубой кожей. В волосах светлела проседь, синие глаза неотрывно смотрели на русалку.

– Хозяин северных границ, Эреб³, ты обитаешь ближе всех к Черному утесу, пусть кто-нибудь из твоих сыновей несет там дозор и каждый день присылает мне доклады об изгнаннице. – Временами мысли о Нокте заставляли холодное сердце королевы замирать. Она стискивала трезубец и нашептывала: «Ты никогда сюда не вернешься, не позволю». Эрида не искала встреч с Нокте, не пыталась ей помочь. Чары морской колдуньи невозможно снять, и русалка прекрас-

² Нюкта, Никта (ночь) – божество в греческой мифологии.

³ Эреб (мрак, тьма) – в греческой мифологии олицетворение вечного мрака.

но об этом знала, как и о своем долге перед подводным народом.

Королева – пример для всех. Если она позволит предательнице вернуться в свое сердце, тритоны Кораллового совета усомнятся в мудрости и силе своей повелительницы.

В Умбре пол наследника не имел значения. После смерти отца ее недоброжелатели тайно надеялись, что древние артефакты власти – корона и трезубец – испепелят избранную, но этого не произошло. Эрида правила жестко, властно, но справедливо. Она сослала всех недовольных на северные границы, где в самых темных уголках морской пучины обитали опасные древние чудовища. Один плавник такого монстра накрыл бы коралловую столицу тенью или вовсе стер с морского дна. Благодаря матери Эриды воины северных границ научились управляться с тварями. Однако стоит королеве оступиться, и она погибнет, как и ее мать.

– Рядом с замком предательницы?! – опешил Эреб.

Не такого назначения он ждал для себя и своих отпрысков. Тритон непроизвольно оскалился, но Эрида впилась в него почерневшими глазами, встопорщив за спиной иглы полупрозрачного плавника. По основанию трезубца пробежали алые всполохи, артефакт раскалился докрасна. Оружие в руке королевы подчинялось только своей владелице и обжигало любого недостойного.

Русалка перевела взгляд на предплечье Эреба с выжженным трезубцем – клеймом предателя.

– Работа для изгнанников с себе подобными, – Эрида улыбнулась.

Тритон получил свою отметину за то, что не сумел убедить покойную королеву Адаманду⁴. Во время осмотра северных границ мать Эриды со стражниками угодила в гнездо штейнов. Яд из щупалец мутировавших цианей⁵ быстро превратил их плоть в лед. Подмога опоздала, в живых остался только Эреб, он и принес королю замерзший осколок плавника Адаманды. До самой смерти отец носил его на цепочке и был погребен с ним в жерле подводного вулкана.

Эреба с семьей сослали на северные границы и разрешили вернуться, лишь когда Эрида стала королевой. Тритон показал себя с лучшей стороны и надеялся, что сыновей ждет славная участь.

– Будь благодарен и не требуй большего, это задание пустяковое. Вижу, ты надеялся, что я допущу тебя к государственным делам или замку человеческого короля? – Эрида вновь рассмеялась, стукнув трезубцем о подножье трона. В темных недрах сверкнула пара желтоватых глаз. На свет выплыли черные мурены, обвили хвост Эриды, потерлись об него вытянутыми мордочками и повернулись к Эребу.

Тритон стиснул зубы, увидев перед собой питомцев морской колдуньи. Та приходилась Эриде и ее сестрам родной

⁴ От греческого Адамас (неодолимый) – мифический металл, служивший материалом для орудий богов. Адамас – древнее название алмаза.

⁵ Волосистая цианея – вид сцифоидных из отряда дискомедуз.

теткой и однажды помогла младшей из принцесс покинуть Умбру, превратив ее хвост в ноги. Никто не знал, жива ли старая bestия или пучина поглотила ее останки. Люди видели морскую пену, но не знали, что все это частицы мертвых тритонов и русалок.

– Я благодарен, что вы позволили некоторым из моих сыновей охранять южные воды, сменяя друг друга, а сам я останусь, где мне и положено, – процедил Эреб, склонив голову.

Они с королевой были в тронном зале вдвоем, но даже если он на нее нападет – проиграет. Пока трезубец при Эриде, русалка защищена. Тритон не станет рисковать – за коралловыми дверями его ожидают двое сыновей. И вот-вот из южных вод должен вернуться третий.

– Поскорее отправь их в дозор, а сам возвращайся на границы и не показывайся, пока я не призову тебя.

– Слушаюсь, моя королева. – Эреб прижал ладонь к груди, зацепив несколько торчащих чешуек поверх застарелого шрама от щупалец штейнов, и, подавив гримасу боли, поклонился.

Эрида проводила взглядом его конечности с полупрозрачными плавниками. Когда дверь закрылась, впустив в зал вереницу пузырьков, королева устало прикрыла глаза.

Практически все жители Умбры рождались с рыбьими хвостами, и лишь те, кто обитал у северных границ, начинали по неизвестным причинам мутировать, превращаясь в двуногих – тритонов, как Эреб, его сыновья и другие страж-

ники, вызывая отторжение у сородичей. Ходили слухи, что подобные изменения вели к бесплодию. В организме тритонов переставала вырабатываться спирита, а тело русалок отвергало вещество, из которого создавались жемчужины-икринки, и те не прикреплялись к их животу. Беременных русалок можно было узнать по подобию ожерелья, которое они носили на бедрах. Со временем жемчужина, а то и две-три, начинали расти, пока сквозь перламутр защитной оболочки не проглядывала головка плода. В назначенный срок жемчужину срезали с живота русалки и разбивали кинжалом, выкованным в недрах подводного вулкана. Только столь прочное орудие и могло разбить защитную оболочку, высвободив новую жизнь. Так на свет появилась Эрида, ее сестры и все жители Умбры.

Мурены подплыли к королеве, и та, почесывая их длинные скользкие тела, прошептала:

– Тетушка, твои уроки не прошли даром. – Русалка была единственной, кто помнил о морской колдунье только хорошее.

Когда Адаманды не стало, отец надолго заперся в своих покоях, перепоручив дела советникам, которых возглавила Эрида и, пока король не пришел в себя, негласно правила Умброй (тетушка хорошо ее подготовила).

– Я не виню тебя за Нокте, она поплатилась за свою наивность и любопытство, но, если ты все еще жива, не попадайся мне на глаза... – Желтый взгляд мурен недобро блеснул,

и питомцы скрылись под троном.

Черный утес

Из окна замка была видна скала с мельницей. Порыв ветра с шорохом крутил ее лопасти. Из густой высокой травы выглядывали мягкие шерстяные бока овец. От служанки Агнес Нокте узнала, что мельницей владеет один старик: когда-то ему не повезло, и море отвергло его, но он не смог расстаться с ним и выстроил над пучиной дом, стал молоть муку, разводить овец и продавать шерсть. Нокте видела его силуэт из окна, она старалась не уходить далеко от замка, будто боялась утратить и без того хрупкую связь со стихией. Мельницу освещало солнце, пробиваясь сквозь разрывы в дождевых тучах, но над Черным утесом по-прежнему шел ливень, оглушающе барабанил по черепице и с шумом стекая вниз.

Тонкий луч коснулся лежащей на подоконнике бледной руки, но даже он не сумел бы согреть ее по-русалочьи холодную кожу. Облака стали истончаться, постепенно расплываясь и обнажая ясное небо.

Нокте видела рыбаков, вытаскивающих лодку из бушующей воды. Быстро переставляя ноги, мужчины тянули просмоленные, облепленные водорослями веревки, пока волны не перестали лизать корму. Утянув лодку под навес, рыбаки разожгли костерок и устроились вокруг греться.

Пламя нехотя разгоралось, вспыхивая искрами между истлевших досок и влажных веток. Нокте даже уловила запах

жареных креветок, но аппетит так и не пришел. Она давно перестала нормально есть. Даже любимые персики не вызывали аппетита, а ведь во время замужества Нокте считала их лакомством. Сейчас оранжево-красные плоды лежали на блюде рядом с наполненным водой серебряным кубком и источали легкий цветочный аромат. Девушка очень много пила, вызывая у служанки недовольство.

Крики чаек заставили Нокте вздрогнуть. Белокрылые птицы пронеслись мимо окна, устремившись к утесу под мельницей, где вили гнезда.

В туманные дни скалы и вовсе было не видать. Ближе к утесу песок сменялся широкими каменными плитами, расчерченными черными венами провалов, в них ютились мелкие крабы и зацепившиеся за водоросли моллюски. Во время прилива камни скрывались под водой, и в отлив можно было найти приоткрывшиеся раковины с жемчугом.

Ветерок скользнул через окно, обдал щеку Нокте дождевыми каплями и колыхнул страницы лежащего на столе дневника. Она посмотрела на исписанную за ночь бумагу и нахмурилась. Кому и что может рассказать немая? Только морю – своими прикосновениями. И бумаге – чернилами:

*«Многие верят в счастливый конец истории
русалочки и принца, но никто не знает о том, что было
после свадьбы.*

*Я действительно вышла замуж и стала королевой
Сорфмарана, но так и не сумела родить супругу*

наследника. Я – жена короля, неспособная продолжить его род.

На протяжении двух следующих лет ни один из долгожданных младенцев не появился на свет. Глупо было надеяться, что, получив колдовством ноги, я сумею стать полноценной человеческой женщиной. И королевский целитель настоял больше не пытаться зачать дитя, страиась, что я умру. В тот день моя судьба была определена.

Я удалилась от двора в маленький замок Черный утес, где когда-то встретила свою любовь. Супруг велел мне поправлять здоровье морским воздухом, прогулками. Соблюдать все предписания целителя, чтобы вернуться и родить наследника. Будто мне во дворце не хватало моря или воздуха. Первые два месяца в ссылке я надеялась, что супруг ненадолго отойдет от дел и навестит меня, успокоит. На шестой месяц надежда угасла, а на седьмой гонец доставил мне документ о разводе. Подписав его, я перестала вспоминать даже имя короля.

Государь не принадлежит себе. О какой любви может идти речь? Бывший супруг был щедр: он оставил за мной Черный утес, немногочисленную прислугу, которая была подле меня до нашего брака, и пожизненное содержание.

До Черного утеса новости доходят медленно, но столь громкое событие людская молва не смогла пропустить: в день, когда гонец вернулся с документами в столицу, король женился во второй раз,

и его новая супруга уже ждала ребенка. Я понимала: она-то и подарит Сорфмарану наследного принца, а я умру здесь – одинокая, неспособная вернуться в темные глубины Умбры.

По ночам звездное небо манит простором, а накатывающие на берег волны шепчут утешения. В погожие дни, во время штиля, пучина молчит, и мне приходится гадать, что же она хочет мне сказать. Я не пропустила ни одного шторма. Не страшась холода и болезней, я стою в воде, обдуваемая пронизывающими ветрами, а дождь смывает с моего лица солоноватые капли, унося в воду. Брызги холодят разгоряченные от лихорадки ладони, пока тьма не погружает меня в свои объятия. Я провожу в горячечном бреду несколько дней и вновь возвращаюсь к воде. Старая Агнес ворчит, запрещает ходить к морю, но не смеет встать на пути, когда ноги сами несут меня к родной стихии. Временами мне кажется, будто я вижу коралловые башни Умбры. Где-то там, в глубине, правит Эрида. Сердце отца не смогло выдержать моего бегства к людям. Морской народ обратился против меня – я предательница, монстр хуже тех, кого тритоны заточили на северной границе. Лишь море не оставило свою заблудшую дочь, продолжая приветствовать штормами и усыплять мирно накатывающими волнами. Если бы только я могла вернуться домой... стать прежней».

Нокте потеряла ногу и скривилась от боли. Сколько времени прошло после колдовства, а она по-прежнему ходит по

земле, как по осколкам стекла. Каждый шаг – боль.

«Сестра была права: я поставила на чашу весов слишком многое и проиграла. Почему я не так дальновидна, как ты, Эрида?» Внимание девушки привлекло странное поведение чаек, кружащих над черным рифом. Птицы пикировали на нечто скрытое от взгляда Нокте. Забыв о боли, девушка выбежала из спальни, скользнула по винтовой лестнице мимо несущей чистое белье Агнес и спустилась на первый этаж. Служанка что-то прокричала ей вслед, но Нокте не расслышала.

«Может быть, где-то поблизости произошло кораблекрушение и к камням прибило жертву? Или же напало чудовище?» Едва не столкнувшись с поваром, держащим объемную корзину со свежими морепродуктами, девушка выбежала по крутым ступеням к берегу.

– Ну и торопыга! – фыркнул повар, прижимая корзину к мощной груди и входя в наполненную ароматами специй кухню. Как он ни пытался угодить госпоже, та равнодушно встречала все его кулинарные изыски.

– Совсем оголодала девка, – зайдя к нему, проворчала Агнес и открыла окошко, выпустив на улицу облачко пара. – Только недавно болела и снова босая. О, море! Дай мне сил пережить ее очередную болезнь.

Повар довольно крякнул, высыпав моллюсков в таз с проточной водой, и уселся на низкий табурет с ножом.

– Оставь ее, госпоже девятнадцать лет, а за плечами столь

тяжкая ноша. Не каждая выжила бы после таких страданий. Может, оно и к лучшему, что король с ней развелся, оставил здесь и перестал мучить. Если не сумела подарить наследника, то к чему истязать бедняжку? – Мужчина нахмурился, ловко вскрывая раковины.

Агнес качнула головой, щурясь, чтобы разглядеть госпожу.

– Так-то ты все верно говоришь, но все же знают, чего им стоила эта любовь. А на деле что? Вот ты бы смог ради русалки жить под водой, Бастиан? – служанка обернулась к повару, тот посасывал кровоточащий палец.

– Если бы на месте русалки оказалась моя покойная Харизт, без промедления пришел бы к колдунье и отдал себя со всеми потрохами, но не случилось. – Он поджал пухлые губы, надул румяные щеки. На висках седели некогда рыжие бакенбарды.

– Давай, что ли, помогу, – вызвалась Агнес, махнув на море: «Все равно ничего не вижу. Это у Нокте зрение как у ястреба: все разглядит, особенно ночью». – Хоть бы не заболела, русалочка наша, – взмолилась служанка. Вдвоем они быстро управятся. «Может, и госпожа нагуляет аппетит к ужину».

Сжимая в руке намокший подол, Нокте пробиралась между камнями. При виде нее чайки с шумом разлетелись в разные стороны. Остро пахло водорослями и тухлой рыбой. Девушка нахмурилась. «Почему здесь витает аромат смерти?»

На Черном утесе люди строго соблюдали древние предпи-

сания морской колдуньи, и все об этом знали. Нокте доводилось видеть мертвых людей, но нынешний запах тревожил, заставляя сердце болезненно сжиматься.

Цепляясь за выступ, Нокте выглянула из-за очередного камня. От напряжения рука онемела. На берегу, у самой кромки воды, лежало распотрошенное тело тритона. Темная чешуя поблекла, плавник раздвоенного хвоста колыхался от накатывающих волн. Крабы, щелкая клешнями, сновали вокруг посеревшего лица. Широко распахнутые, некогда черные глаза заволокло пеленой. Водоросль болталась у разбитого виска, прикрывая веки зеленовато-синей повязкой.

Очень давно, когда тетушка обучала ее колдовскому ремеслу, Нокте видела сородичей изнутри. О людях же читала в книгах королевского целителя, внимательно рассматривая картинки. На тритоне не было защитного панциря, как у стражников северных границ, но Нокте знала – он один из них. Она внимательно разглядывала мутировавший хвост, схожий с человеческими конечностями. «Принесло ли его сюда течением или это чудовища постарались? Человек не мог такого сделать». Нокте спрыгнула на песок к тритону. Отогнала наглуую чайку, убрала водоросли и закрыла мертвые глаза. Однажды Агнес сделала то же самое со старым моряком, сказав, что там, куда уплыла его душа, глаза ему еще понадобятся. На плечо тритона опустился серый мотылек. С затрепетавших крыльев на высохшие чешуйки слетела светлая пыльца. В Сорфмаране этих насекомых считали

предвестниками смерти, теми, кто забирает души всех живых существ.

В Умбре мертвых заворачивали в широкие листья ламинарии и уносили к жерлу подводного вулкана. Преступников отдавали на съедение чудовищам. Лишь дозорные знали, с каким удовольствием их собратья по караулу скармливают жертву монстрам.

Жители морской деревни научились создавать из вынесенных на берег костей мертвых тритонов и русалок прочные гребни, заколки, украшения, домашнюю утварь и целебные средства. Однако убить морского жителя люди не могли, свято соблюдая договор, заключенный после войны, когда прапрадед Нокте едва не разрушил королевство штормами. Двunoгие недооценили водную стихию, как и ярость старого тритона-короля.

Нокте не могла похоронить мертвого как подобает. Она обернулась к замку, оглядела утес – ей не от кого ждать помощи.

Скалу огибала тропинка, омываемая волнами и ведшая к каменной чаше с горячим источником. Черный утес располагался рядом с подводным вулканом, но тот был так глубоко под водой, что его тепла хватало лишь на то, чтобы нагреть источник в чаше. Окружавшее ее море оставалось холодным. Вдоль скалы тянулась узкая полоска суши. В прилив ее заливало, перекрывая путь к горячей «ванне». Нокте не пугало оказаться отрезанной от берега на всю ночь. Песок приятно

холодил ступни. Путь уходил вниз, а волны намочили платье по колено. Белесый пар поднимался над мутно-бирюзовой водой. Дно чаши прочерчивало множество узких расщелин. Нокте любила лежать под водой, чувствуя всем телом обволакивающие горячие потоки.

Сейчас ей очень хотелось пробиться сквозь дно источника, отнести тритона к вулкану и проститься. Она не услышала, как сильная волна подобралась сзади и, окатив с головы до ног, унесла в своих объятьях мертвое тело. Нокте вытянула руку, но опоздала. Тритона поглотила черная пасть бесшумно подплывшего чудовища, чье тело слилось с водой.

«Даже это ты отнимаешь у меня, считаешь, я не достойна его похоронить?» – всхлипнула девушка, обратившись к стихии и дрожа от холода. Мокрое платье неприятно липло к телу, ветер бил в лицо. Обхватив плечи руками и стуча зубами, Нокте села на корточки и уткнулась лицом в колени, безмолвно кривя рот от горя, но слез не было. Если бы в этот миг чудовище вернулось, она бы обрадовалась ему, но монстры не нападали – только внимательно следили за той, что еще русалкой сумела их приручить. Не раз после возвращения на Черный утес девушка чувствовала на себе их незримые взгляды, видела среди волн перекатывающиеся иглами плавники морских чудовищ. Ветер доносил до нее зловоние останков, гниющих в клыкастых ртах. Для своего народа Нокте стала монстром хуже тех, что обитали здесь, в северных водах. Может быть, поэтому чудовища ее не каса-

лись: считали своей.

Плеск воды заставил девушку поднять взгляд. Она успела заметить, как в воде скрылся отливающий синевой плавник другого тритона. Северные стражи следили за ней. Она знала об этом. «Эрида ни за что бы не упустила случая позлорадствовать». Нокте поднялась и, одернув прилипший к ноге подол, стала взбираться на камень.

Чернильно-черный взгляд проводил предательницу до замковой лестницы. В темных зрачках таилась злоба.

* * *

Под удивленными взглядами Агнес и Бастиана Нокте выпила полную чашу воды, затем вторую и, утирая капли с подбородка, посмотрела на моллюсков, качнула головой и ушла к себе.

Повар отбросил очередную пустую раковину в мусорное ведро и тяжело вздохнул:

– Почистили – и хватит, она опять ничего не будет есть. По глазам видно! – Они со служанкой уже научились различать желания безмолвной госпожи.

Агнес ополоснула нож и ответила:

– Этого следовало ожидать. Ладно, поужинаем вдвоем. – Кряхтя, служанка поднялась, колени хрустнули. Агнес поковыляла из кухни следом за госпожой. Нокте лежала на постели в спальне, к ногам прилип черный песок.

Ежедневно Агнес приходилось вытряхивать простыни, но лучше она будет выполнять свою работу, лишь бы госпожа не слегла с жаром. Каждую болезнь служанка переживала как собственную. Сердце замирало при виде мечущейся в горячечном бреде Нокте.

«Бедняжка. Никто не знает, какую судьбу нам уготовили, не каждому дано жить долго и счастливо». Закрыв дверь, служанка ушла.

Нокте долго смотрела на миску с персиками, пока не приблизилась к ней. Взяла плод и откусила кусочек. Сок растекался по пальцам, аромат фруктов усилился. Отложив недоеденный персик, Нокте склонилась над подоконником, высунула руку из окна, чувствуя, как влажные пальцы обдувает ветерком. Останься магия при ней, волна мгновенно бы дотянулась до ладони.

«Все волшебство ушло. Я отдала его, променяла свою природу на зыбкое счастье». Тоска затопила ее сердце.

Она просидела так до глубокой ночи. Холодный свет выглянувшей из-за облаков луны осветил тропинку к горячему источнику. Девушка долго смотрела на то, как знакомый путь обволакивают сверкающие в полумраке волны. Слуги давно спали.

Когда Нокте ступила на тропу, вода лизнула ступни, пропуская гостью к чаше. Девушке не нужны были глаза, чтобы видеть: она могла пройти в абсолютной темноте и не оступиться.

От чаши исходило привычное тепло, в воздух поднимался пар, размывая границы между берегом и морем. Бросив платье на камни, Нокте нырнула в согревающий омут.

Из-за камней появились двое. Шевеля ногами-плавниками, тритоны наблюдали за изгнанницей. Ее провинность была куда тяжелее, чем их.

– Видишь, за кем приходится следить? – с отвращением отметил первый, недовольно колыхнув темными волосами, и те, словно водоросли, заструились по его широким, исполосованным белесыми шрамами плечам. Тритон подтянулся на камнях, заскрежетали острые черные ногти. Из локтей и вдоль позвоночника, где полагалось быть гладким плавникам, выступили иглы.

– Отец был у королевы, она вновь ему отказала, – спокойно ответил второй, неотрывно глядя на бледные женские руки, поднимающиеся и опускающиеся в воду чаши. Пар мешал разглядеть ее полностью, но от брата он слышал, что изгнанница ужасающе некрасива даже для человека. «Двуногие отвратительны по своей природе».

– Все бы отдал, чтобы поменяться с Герасом местами и служить в южных водах, но королева запретила нам покидать Черный утес. По воде даже очертили дополнительную защиту. Хаос, ты вовремя успел вернуться, иначе пришлось бы плыть обратно на юг, – тритон невесело усмехнулся.

– Что за вздор, Эфир⁶? Будто мы до этого пытались сбе-

⁶ Эфир (горный воздух) – в древнегреческой мифологии – верхний слой воз-

жать. Я подсчитал удачные дни и быстро добрался по течению.

– Досадно, что оно движется лишь в одну сторону. До южных земель добираться около недели, а сюда за сутки-двое можно проплыть без особых усилий.

Та, чье имя было велено забыть и не вспоминать, вышла из воды и поднялась в полный рост. Ветер стянул с нее вуаль пара, обнажив человеческое тело. Тритонов передернуло от отвращения.

– Я видел обнаженных женщин. На южных границах они любят купаться нагишом, и вода там теплая, – отметил Хаос, стараясь не показываться из-за камней.

– Все они не идут ни в какое сравнение с русалками. Ни хвоста с прожилками, чтобы передать спириту, ни чешуи. Даже то, что у людей между ног, напоминает закрытого в раковине моллюска. Эта же, – Эфир кивнул в сторону девушки, – больше похожа на бледную ветку мертвого дерева. Слишком светлая и гладкая кожа, а глаза черные, как у тех чудовищ, что плавают подле нее.

Хаос удивленно вскинул брови. По вискам скатились капельки воды.

– Утратив магический дар, она по-прежнему привлекает морских тварей. Они вьются рядом с ней, как мурены вокруг хвоста королевы. Если бы не чудовища, я бы с удовольстви-

духа (неба), местопребывание богов. По наиболее популярной версии, бог Эфир был сыном Эреба.

ем расправился с нашей заключенной, как мы поступаем с пригодными для ужина монстрами.

– Она знает, что мы здесь? – Волна окатила Хаоса со спины, черные пряди упали на лоб, скрыли темные глаза. На висках проступила чешуя.

Эфир пожал плечами.

– Возможно, но никогда не давала понять это наверняка. Она постоянно находится у воды, даже в ненастье, а потом пропадает и возвращается еще более исхудавшей, бледной и отвратительной. Наблюдать за ней не слишком приятно. Она мечется: то заходит в море, то выходит. Однако стихии не прикажешь, та принимает ее, прогоняет и вновь волнами ластится к ногам. – Тритон сплюнул в воду. – Променять красоту и сущность русалки на подобную жизнь. Лучше смерть.

– Однако девушка по-прежнему жива. И Эрида приставила к ней нас. С чего бы такое внимание к сестре-изгнаннице? – Хаосу захотелось подплыть поближе. Наблюдать за принцессой без хвоста было любопытнее, чем за купанием обнаженных человеческих девушек.

– Спроси у нее, – огрызнулся Эфир. – Поплыли, я увидел достаточно, чтобы написать отчет. Хотя бы здесь водятся осьминоги, чьи чернила не растекаются.

Хаос кивнул, но, отплыв подальше, увидел, как принцесса неподвижно стоит и смотрит в их сторону. В ее глазах таилась мгла, мокрые пепельные волосы прилипли к спине, от плоского живота вниз уходили длинные шрамы. Похожие

светлели и на внутренней стороне бедер.

«Когда-то эта часть тела была хвостом», – подумал Хаос и нырнул за братом.

Нокте проводила тритонов равнодушным взглядом и погружилась в воду. Горячие потоки обжигали шрамы на животе. Временами девушке казалось, что сквозь раненую кожу проступает чешуя, но стоило провести пальцами, и она чувствовала обычную неровность швов. Ее последняя беременность длилась пять месяцев – еще немного, и она подарила бы королю заветное дитя. Но однажды острая боль пронзила тело королевы, и очнулась Нокте с опустевшим животом и заботливо склонившимся над ней целителем. Он что-то говорил, но девушка не различала слов, лишь видела шевеление его тонких губ. Осознавая свою беспомощность и уродство в мире людей. Ее сказка закончилась. Ребенка не удалось спасти.

Нокте вынырнула, и в воздух поднялись клубы пара. Натянув платье на мокрое тело, девушка побрела обратно в замок. Остаток ночи прошел в кошмарах, принесших с собой облик погибшего тритона: из его рта выползали крабы, шелковая клешнями, а на глаза садились серые мотыльки. Щелканье становилось все громче, пока Нокте не проснулась. За окном светало, громко кричали чайки, о скалы с шумом бились волны. Пахло свежее испеченным хлебом. Впервые за долгое время Нокте испытала голод.

Глава 2

Черный утес

Шестнадцать лет назад

В тот весенний день Йоханес лежал на траве, греясь под редкими солнечными лучами, пробивающимися сквозь хмурые тучи. Он покусывал травинку, лениво глядя на стадо овец: желтоватые, светло-серые «клубочки» шерсти пощипывали сочный клевер, усеявший весь холм. Время от времени животные блеяли друг на друга, будто переговариваясь, и старались оттеснить собратьев от самых лакомых участков травы.

Йохан ненавидел Черный утес и мечтал покинуть его, вырваться из затхлости вечного тумана и отправиться на юг, где всегда было по-летнему тепло, быстрее созревал урожай, пахло лавандой и персиками. Люди из столицы доставляли продукты на продажу в деревни Черного утеса.

Весна на север приходила поздно, а летом становилось едва ли теплее. Большую часть года стояла хмурая погода, в воздухе витали запахи сырости и тлена, ночной холод проби-

рался даже под теплые овечьи шкуры. В особо сильные морозы рыбаки находили в морских пещерах окоченевшие тела нищих: несчастные пытались согреться у жалкого костра, но погибали от холода во сне. Даже мурены морской колдуньи не позарились бы на их костлявые тела. Жители держались подальше от пещер и гротов, страшась не столько холодной смерти, сколько встречи с колдуньей. Одни представляли ее клыкастой женщиной с рыбьим хвостом, другие – с многочисленными щупальцами осьминога, а третьи и вовсе считали ее тем самым туманом, круглый год окутывающим и Черный утес, и мрачный замок. Белесый смог просачивался в самые узкие щели, принося в дома кошмары и легочную немочь.

В дни, когда туман превращался в непроницаемую стену, а стекла от мороза покрывались инеем, Йохан сидел с отцом у очага, ел горячую кашу на сливочном масле и пил теплое молоко. Мельник поглядывал в окно, за которым виднелись очертания черных шпилей замка, и ворчал:

– Даже будь я богат, как наш мясник, ни за что бы не променял свой дом на это страшилище. Ледяной камень. Там, поди, еще холоднее, чем в могиле. Стены будто в копоти, окна не пропускают ни одного лучика света, а во время прилива подвалы затапливает, превращая замок в водяную темницу. Уж лучше жить в нашем простом, но уютном доме, где на столе всегда есть горячий хлеб, в кувшине пряное вино, а зимой овцам теплее в хлеву, нежели людям в богатом замке.

Хотя, что от тех богатств могло остаться? Все давно истлело от сырости, пожрано солью или облеплено моллюсками.

Время от времени отцу приходилось запрягать телегу и самому отправляться к южной границе за зерном. Он возвращался поздно ночью, в холод, в непогоду. Привозил мешки, и мельница начинала поскрипывать, напевая тогда еще маленькому Йоханесу свою колыбельную.

Сколько Йохан себя помнил, мельница всегда работала. Днем и ночью отец молот зерно, чтобы потратить деньги на обучение единственного сына.

По утрам мальчик замечал белые мучные следы на полу и шел по ним, как по тропинке, в спальню, где крепко спал отец. Забирал его одежду, уносил на улицу и чистил. У них не было никого ближе друг друга. Если отец проводил на мельнице весь день, Йоханес хлопотал по дому, разделявал пойманного зайца или купленную на рынке селедку. Они не смели приближаться к морю, брать его дары. Йохан любил слушать байки отца о временах, когда стихия благоволила их семье, но после того, как старый рыбак, позже ставший мельником, по случайности выловил черную мурену, стихия отвернулась от него. Тогда он не знал, что вытянул сетями питомца морской колдуньи, зажарил и накормил беременную жену. Йохан родился раньше срока и был очень слаб. Переживая вину за судьбу ребенка, жена мельника бросилась с утеса. Вдовец не посмел приблизиться к воде, чтобы найти тело и похоронить супругу как полагается. Работа на мель-

нице укрепила слабое здоровье Йоханеса, морской воздух и физический труд закалили его. Но тонкие черты лица, золотистые волосы и глубоко посаженные серые глаза придавали ему женственный вид. Мельник сумел дать сыну неплохое образование, не хуже, чем у детей зажиточных торговцев.

Громкое бляенье заставило юношу вздрогнуть. Прищурившись, он осмотрел стадо и, не досчитавшись одной овцы, поднялся с травы и бросился на плач животного.

– Куда ты забралась? – негодовал Йоханес, спускаясь по холму к каменным пикам. Трава становилась реже, земля расступилась, из черных расщелин эхом доносилось бляение овцы.

– Морская ведьма тебя раздери, как ты умудрилась туда упасть? – цепляясь за выступы, юноша юркнул в щель. Пригибаясь, и осторожно ступая по растрескавшейся земле, он стал спускаться, пока не достиг неровных каменных плит. С каждым шагом запах сырости и подгнивающих водорослей усиливался. Йохана подташнивало от витающих в воздухе ароматов, к которым примешалось что-то знакомое, будто он очутился в лавке мясника.

Йохан сглотнул ком в горле и прижал ладонь к дрожащим губам. На гладком камне сидела русалка. Подле ее склизкого хвоста валялась перепачканная в крови шкура несчастной овечки.

Русалка одарила Йохана заинтересованным взглядом и ослабилась. Ее руки с серебристой чешуей по локоть были

облагрены кровью, она сжимала в когтях овечьё сердце, поедая его, словно яблоко.

– Ну здравствуй, красавчик. – За спиной русалки всколыхнулся гладкий плавник. Чернильно-черные глаза моргнули, сменившись обычными, человеческими, и в зрачках блеснули веселые искорки. Овечьё сердце упало на песок, откатившись к ногам Йоханеса. – И чего же ты хочешь за встречу с морской колдуньей?

Нокте

Густой туман окутывал берег, не позволяя разглядеть ни шпилей замка, ни даже неба. Зеленовато-синие клубы растекались вдоль черного песка, скрывая оставленные Нокте следы. В такую погоду люди прятались по домам, боясь задохнуться от удушливых испарений, затеряться и сорваться с утеса в морскую пучину.

Вода словно замерла. Ни шума волн, ни криков чаек. Черный утес погрузился в сон, нарушаемый лишь тихими шагами Нокте. Течение принесло с юга тепло, и море согревало босые ноги девушки. В тишине раздался едва уловимый свист, и в тумане зажегся огонек.

Агнес оставила на подоконнике свечу, заботясь, чтобы госпожа нашла дорогу к замку. Служанку обрадовал аппетит Нокте: уже который день та нормально ела. Старуха даже перестала ворчать на непогоду.

Нокте с наслаждением улыбнулась: просачивающийся сквозь пальцы песок позволял боли в ногах утихнуть. Сделав шаг, девушка замерла, всматриваясь в странный серебристо-серый цветок, раскрывающийся ей навстречу и трепещущий многочисленными лепестками.

Склонив голову на бок, Нокте провела перед ним рукой, и десятки мотыльков испуганно вспорхнули, взмахнув крыльшками, ударились о женскую грудь, ткнулись в лицо, за-

путываясь в волосах, и скрылись в тумане.

Обсыпанный пылью, мертвый тритон лежал на спине. Вода едва покрывала его острые плечи и бедра. От груди до паха зияла рубиновая пустота: сердца не было. Некогда длинные, бронзовые волосы тритона были острижены, и неровные пряди липли к фарфоровой коже. На шее алыми полосами жабр, напоминая длинные порезы. Разорванную мочку удлинённого уха припорошило черным песком – им же успело занести одну ногу, будто море пыталось поглотить свое дитя.

Нокте склонилась над несчастным, положила ладонь на закрытые глаза, провела по разбитым губам, ледяной груди и просунула пальцы между ребер. Рука онемела, по спине пробежала дрожь.

«Ее нет! Жемчужина пропала!»

Магия текла по венам морского народа, собирая все силы в выращенной за сердцем жемчужине. Без нее тритон или русалка теряли способность не только колдовать, но и дышать.

«Ее невозможно достать, не убив, но кому это понадобилось? – Нокте попыталась вспомнить первого погибшего. – Его так же выпотрошили, но я не подумала о жемчужине, не проверила, на месте ли она».

В одном девушка была точно уверена: другие тритоны убили бы несчастного в поединке, а не расчленили, как рыбу для супа, и не лишили бы последнего достоинства – волос.

«Морские чудовища также не нападают без повода. Если их тревожат, они могут разорвать на куски, проглотить живьем, но не выпотрошить». На руку Нокте сел мотылек, а за ним прилетели другие, трепеща крылышками над мертвым.

Девушка попыталась смахнуть их и задела пальцем иглу на локте тритона. На коже выступила кровь. Окунув пораненный палец в воду, Нокте даже не поморщилась.

Сквозь сизый туман стали проступать обманчиво спокойные черные волны, несущие в ее сторону по-змеиному гибкое, длинное тело. Накрапывающий дождь размыл его очертания. Из воды показался гладкий, отливающий синевой плавник. Издалека люди приняли бы существо за рыбину, но при встрече с нею человек мгновенно лишился бы жизни.

Каждое чудовище имело свое имя. Нокте запомнила их с детства, рисуя пугающие образы на раковинах. Адаманда одобряла увлеченность младшей дочери, считая морских «стражей», как она их называла, важной составляющей подводного мира и главным «оружием» против врагов. Однако немногие разделяли мнение королевы. После войны с людьми прапрадед Нокте, король Потидэй, выстроил из костей самых крупных Латанов⁷ стену, навсегда отделив северные воды от коралловой столицы. С помощью трезубца он заточил опасных питомцев в пропасть Сомбры, где они погрузились в спячку.

⁷ Левиафан (ливъятан, латану – скрученный, свитый) – морское чудовище, упоминаемое в Танахе (Ветхом Завете). Латану – змееподобное существо.

Серпенс высунул из воды свою чешуйчатую морду, открыл четыре сапфировых глаза и поддел носом тело.

«В прошлый раз к мертвому приплыл аквапил, а теперь серпенс...» Морские змеи чаще всего окружали Нокте, реагируя на аромат ее крови. Аквапилы же изменяли свое тело, сливаясь с водой и камнями и становясь опасными для зазевавшихся моряков. Если чудовищ не тревожить, они могут пробывать в спячке много лет, а то и столетий, просыпаясь по велению трезубца правителя, чьи вибрации доходят до самых отдаленных уголков моря.

Мощная волна ударилась о змея. Из воды угрожающе поднялся живой тритон. Вскинул руки, и вода превратилась в ледяные иглы. Их острия оцарапали бок серпенса. Издав крик, похожий на китовый, монстр шлепнул по воде плавником и скрылся в пучине.

Тритон бросил ненавидящий взгляд на сидящую у тела собрата Нокте и оскалился. Быстро подплыв к девушке и ловко взобравшись на чашу, тритон коснулся живота мертвого.

– Ты это сделала? – прохрипел Хаос, чувствуя будоражащий аромат женской крови. – Конечно, не ты: сил бы не хватило, – успокоившись, продолжил он, исследуя мертвого. Им оказался один из двуногих тритонов, кого Ее Величество избрала в качестве живых щитов для защиты Имбры – южного подводного гарнизона. Эрида не доверяла людям Сорфмарана и из года в год отправляла на юг морских стражей с севера.

«Форкий⁸, похоже, ты все-таки дезертировал из Имбры. Никогда не упустил возможности надерзить хилиарху⁹, не раз покидал пост, чтобы уплыть к берегу и развлечься с человеческими женщинами. Тебя за многое осуждали, ненавидели. Вряд ли кто-то станет сожалеть, узнав, что ты оказался здесь мертвым».

Нокте перехватила когтистую руку тритона и прижала к месту, где должна была находиться жемчужина. Хаос поморщился – прикосновение девушки вызывало отвращение. «Кому это понадобилось? Кто настолько кровожаден?»

Девушка сложила ладони на коленях и слабо пожалала плечами. Пепельные волосы рассыпались по груди, радужку глаз заполнила чернота зрачков, на бледных губах алели трещинки. Прикосновение к тритону заставило Нокте вздрогнуть. Давно забытые ощущения холодом разлились в груди и отдались в ногах странной пульсацией. С жалостью взглянув на свои ступни, девушка поджала губы и взглянула на стража: зачесанные назад черные волосы облепили спину и широкие плечи, многочисленные порезы украшали подтянутое тело (лица аристократов-изгнанников было запрещено уродовать шрамами).

– Больное существо. Даже монстрам тебя не скормить, –

⁸ Форкий, Форкис, Форк – в древнегреческой мифологии морское хтоническое божество, бог бурного моря, бог чудес.

⁹ У македонян и в Древнем Египте должность командира хилиархии, то есть тысячи легковооруженных воинов.

Хаос окинул девушку высокомерным взглядом.

Нокте видела брезгливость стража и хотела крикнуть: «Я не убивала!» – но тритон и сам это понял: девушке не хватило бы сил затащить мертвого в чашу и выпотрошить. Для этого необходимы хитрость и сила. К тому же (и это снимало с Нокте все подозрения) Форкий служил на юге и никак не мог встретить свою смерть близ Черного утеса.

Девушка ткнула пальцем в море и провела рукой по воздуху, изобразив волну.

– Это я и без тебя понял, он не мог сюда приплыть. Границы закрыты. Ее Величество наложила защитные чары, и те пропускают лишь мертвых. Течение из южных вод принесло труп сюда, куда приплывает всякий мусор. – Тритон поддел кончики остриженных прядей Форкия ногтем.

«Только среди наших принято обрезать предателям волосы за совершенное преступление. Не удивлюсь, если это работа южных стражей из благородных: они всегда смотрели на нас как на ничтожеств».

– Хорошо, что ты молчишь, изгнанница: я вижу твое уродство, но хотя бы не слышу тебя. – Хаос подтянул мертвого к себе, перекинул через плечо и нырнул в черную воду.

Снова Нокте осталась одна. Уколотый палец пощипывало от морских брызг. Ладонь уплывшего тритона оказалась холодной с бархатистыми чешуйками.

«От солнечного или лунного света те переливались бы серебром».

Тонкая морщинка пролегла между бровей девушки, она вспомнила: «Даже после смерти носителя в жемчужине остается магия».

Сомбра

Кладбище затонувших кораблей, разбившихся о скалы возле Черного утеса, стало пристанищем для отщепенцев морского народа.

Подводный бастион возвышался над бездной, из которой поднимались пузырьки воздуха. Там, в глубоких пещерах, крепко спали древние чудовища. Ни один морской житель не сумел бы до них доплыть: или замерз бы в ледяной воде, или был бы сожран скорыми на расправу серпенсами – те таились в норах, как чайки на скале, сверкая в темноте горящими глазами.

Бастион Сомбры, окруженный колючими фиолетовыми кораллами, напоминал огромный галеон с многочисленными шипами-мачтами и развевающимися парусами, в которых любили укрываться аквапилы. Тритонов они не трогали, скользя по ткани и сливаясь с деревом. Серпенсы кружили под свисающими над пропастью якорями, молодые особи устраивались на них и дремали. За провалом виднелись розоватые поля, – на первый взгляд, безобидные, но изрытые подземными тоннелями со штейнами – единственное место, за которым Эреб наблюдал со всей тщательностью, следя, чтобы популяция проклятых «медуз» не превышала допустимого уровня.

Когда он напивался вина, добываемого стражами из очи-

ценных чернил каракатицы, то принимался крушить кнутом из хвостов электрических скатов тоннели штейнов. Чудовища медленно выплывали из спячки и, не успев очнуться, превращались в ничто. Зимой штейны пробуждались и пытались пробиться сквозь электрическую стену к теплым водам Умбры, но Эреб день и ночь следил за магической защитой.

Как-то один зазевавшийся страж выпустил в сторону коралловой столицы несколько взбесившихся самок «медуз», но едва те достигли границ, как были убиты Эребом, а каральный – разрублен на куски (в бешенстве глава гарнизона не уступал в кровожадности монстрам).

Трезубцы северных стражей, как и все оружие в Умбре, были выкованы в жерле вулкана. Защитой служили острые плавники на позвоночнике и руках тритонов. Некоторые из стражей создавали доспехи из чешуи серпенсов.

Сомбра была опасна для не мутировавших жителей своими скрытыми ловушками и особенно – тягучими водами, в которых русалки увязали, будто в ядовитых водорослях.

Яд Сомбры изменил тела изгнанников, лишив привычных хвостов и гладких плавников. Былая красота сменилась уродством.

Отщепенцы Умбры болезненно переносили мутацию. Приходилось ждать, пока затвердеют лучи плавников: они мешали спать, кололи, резали нежную кожу-чешую, пока та не приобретала защитный слой и не позволяла яду местных

растений и паразитов навредить своему носителю. Тяжелее всего было переносить мутацию по разделению хвоста: три-тоны неделями не могли пошевелиться, лежа в своих деревянных каютах в сплетенных из прочных водорослей гамаках, слушая хруст костей, треск разрываемой плоти. Привыкнуть к новой форме удавалось не каждому: некоторые предпочитали броситься в пропасть, где чудовища только и ждали добычу.

Королева читала донесения Эреба о смертниках, но не пыталась ничем помочь: ей не нужны были слабые отщепенцы, никчемный воин хуже рыбы, не мечущей икры, – ту хотя бы можно съесть.

Когда Хаос принес Эребу тело Форкия, отец смерил его равнодушным взглядом.

Он поглаживал рукоять кинжала, украшенную драгоценными камнями (вместе с затонувшими кораблями Эребу достались и несметные людские богатства).

– Ты не спросишь, как он здесь оказался? – спросил сын, кивнув на мертвого.

– Мне плевать, откуда принесло эту падаль – главное, чтоб на моей территории не отравлял воду, – скучаяще отметил глава Сомбры.

Хаос криво улыбнулся:

– Он лежал на чаше горячего источника у подножия Черного утеса. Изгнанница обнаружила его первой.

– Ты намекаешь, что хрупкая девушка сумела убить од-

ного из наших стражей? Не припомню, чтобы назначал его в караул.

Хаос качнул головой:

– Это Форкий. Когда я покидал Имбру, он был еще жив и служил там.

Эребу потребовалось несколько минут, чтобы осмыслить услышанное. Его глаза сузились, а кинжал лег на коралловый подлокотник кресла.

– Хм, Форкий... Что-то знакомое... Уж не на него ли мне поступали постоянные жалобы: кутежи, связи с людьми, самовольный уход с поста? Да и в магии он, как всякий неблагородный, слабоват.

Хаос промолчал.

– И ты хочешь, чтобы я потратил время на выяснение причин смерти этого... предателя?

– Хочу, чтобы вы, отец, как глава стражей северных границ разобрались с тем, что произошло с нашим воином, который вместе с другими был послан в Имбру. Это все, о чем я прошу, – отчитался Хаос, глядя в потемневшие глаза отца.

«Ты считаешь себя несправедливо наказанным, просишь королеву пощадить хотя бы нас – твоих сыновей. Выбил несколько мест в Имбре для продвижения по службе, но плевать хотел на остальных. Как и у аристократов с юга, отщепенцы вроде Форкия вызывают у тебя отвращение. Никому нет дела до их смерти, даже столь отвратительной». Кончики пальцев и перепонки между ними закололо. Хаос вспомнил

о пустоте на месте жемчужины в теле мертвого, но теперь ощутил ее в собственной груди, будто не Форкий лишился средоточия магии, а он.

Эреб опустил взгляд. Сдался и пробормотал:

– Ладно, узнаю, как он оказался здесь в таком... виде.

Хаос слышал в голосе отца отвращение. Вдруг он понял, что испытывала Нокте рядом с ним, не подавая виду, как ей тяжело. От затылка по позвоночнику будто прошел разряд тока. Шипы на плавниках оцетинились, вызвав у Эреба недоумение.

– Я же сказал, что разберусь, – раздраженно проговорил глава.

– У него отобрали жемчужину. – Хаос быстро успокоился: плавники сложились, прилегая к телу второй кожей и темнея на локтях и вдоль позвоночника.

– Хм, какой прок с крупницы магической энергии Форкия, которой у тебя гораздо больше.

«Вот и выясни», – подумал Хаос и, поклонившись отцу, покинул комнату-каюту.

* * *

В лунном свете Нокте увидела отблеск чешуи тритона, сидящего на одном из черных рифов. Она отложила перо, подула на подсыхающие в дневнике чернила и задумчиво побарабанила по столу, задев пальцами лежащий рядом браслет

из нежно-голубых агатовых бусин (Агнес принесла его этим вечером, сказав, что нашла в неразобранных сундучках).

Нокте не хотелось притрагиваться к подаркам, напоминающим о ее венценосном прошлом. В Черном утесе она осознала, что та жизнь была ей в тягость: веселые балы оставляли во рту кислый привкус, мучили головокружение и боль в ногах, такая, что она не могла ходить – слугам приходилось нести ее в спальню, где со льдом наготове уже поджидала верная Агнес.

Служанка расшнуровывала душащий корсет, смазывала синяки на нежной коже госпожи мазями, отпаивала травяным чаем, заставляя протрезветь. Король приходил к жене на несколько минут – убедиться, что с его маленькой русалочкой все в порядке – и вновь исчезал в толпе. В такие ночи Нокте как никогда осознавала свое одиночество. Окажись она на дне черной пропасти, среди древних монстров, ей было бы не так тоскливо, как в наполненном веселящимися людьми дворце.

Каждое утро ее будили, не дав как следует выспаться, обряжали, будто куклу, давали бесконечные наставления по этикету, от которых Нокте начинало трясти. Стоило глазам потемнеть, как это мгновенно ставили в упрек, напоминая о ее природе.

Неважно, с ногами или хвостом – королева все равно оставалась для окружающих чужачкой, диким и опасным существом. За спиной она слышала шепот придворных, дурные

слухи, которыми те пугали своих детей, говоря, что королева-русалка по ночам оборачивается морской ведьмой и крадет непослушных малышей из колыбелек. Дети сторонились Нокте, но она не роптала, не смела жаловаться мужу, утешаясь тем, что они по-прежнему вместе, любят друг друга.

«Любовь, – Нокте усмехнулась, сжав браслет. – Ложь».

Она приблизилась к окну: тритон оставался на своем посту.

«Я была глупа, наивна. Люди преподали мне бесценный урок. – Браслет полетел в окно и исчез в темноте. – Счастье, что матушка не дожидка до моего позора: ей было бы больно увидеть меня такой».

В дверь тихонько постучали, и комнату осветила свеча. Агнес стояла в длинной ночной сорочке и побитом молью халате.

Расшитые золотыми нитями рукава поистрепались, а на мягких тапочках больше не звенели бубенчики.

Поношенная одежда королевской семьи отдавалась придворным и слугам. Нокте следила, чтобы ни один из ее рядов не уплыл к благородным, но гнусным дамам – те изнуряли себя нещадными диетами, лишь бы влезть в дорогие платья королевы.

Агнес успевала ловко перешить одежду на себя или раздавала верным камеристкам, перепало кое-что дочерям и племянницам поваров. Дворцовые слуги единственные, кто относился к Нокте по-доброму.

После того как служанка однажды поймала некую гра-

финю на краже драгоценностей своей госпожи, Агнес стала прятать подаренные королем украшения по шкатулкам и сундукам.

Временами Нокте казалось, что служанка как серый кардинал: знает обо всем происходящем во дворце, но вмешивается, только когда чувствует угрозу своей госпоже или невинным слугам.

– Не засиживайтесь, приятных вам снов, госпожа, – улыбнулась Агнес и ушла. Полоска света под дверь исчезла.

«Кому понадобилась смерть этих тритонов? Неужели в Имбре творится что-то неладное? Для чего кому-то жемчужины?» – вопросы мучили Нокте, пока начавшийся шторм не заглушил мысли, а сон не сморил ее.

Глава 3

Агнес приблизилась к заставленному пустыми кубками столу и откашлялась, привлекая внимание госпожи. Нокте подняла на нее взгляд, склонила голову набок и слабо поморщилась. После второго трупa ее мучила бессонница, к которой добавились частые головные боли и невероятная жажда. Она вновь утратила аппетит, а после длительной ходьбы накатывали приступы тошноты.

– Госпожа, пойдете, я должна кое-что вам показать, – пробормотала Агнес, поманив за собой.

Нокте отложила перо, пропустила между страниц дневника ленту и, сделав последний глоток воды из очередного кубка, последовала за служанкой.

Они миновали коридоры, увешанные обветшалыми, утратившими краски гобеленами, спустились по лестнице в подвал, а оттуда в винный погреб. Агнес указала на узкую черную дверь в глубине помещения и зажгла свечу в стоящем на полу фонаре. Кислый запах вина смешивался с сыростью, тленом. В отблесках свечи Нокте видела местами облепленные ракушками моллюсков стены, мох и стекающие по каменной кладке в желоба струйки воды.

– Удивляюсь, как в таких условиях вино не испортилось, – проворчала Агнес и, сунув ключ в дверной замок, со скрежетом прокрутила. Дверь нехотя поддалась, и фонарь освещал

тил еще одну лестницу: широкие, местами растрескавшиеся ступени уходили в черный провал заполненного темнотой грота. Со сталагмитов в воду с эхом падали капли, постукивая о корму привязанной к узкой пристани лодки. Моряки доставляли свежие морепродукты в замок через проход в гроте, откуда Бастиан забирал корзины. Во время сильных приливов Черный утес затапливало до погреба (повару пришлось перетащить неиспорченное вино в кухню). С возвращением Нокте стихия поуспокоилась, и потопов больше не случалось.

Агнес с Бастианом пришлось изрядно потрудиться и нанять в помощь местных, чтобы сделать Черный утес пригодным для жизни людей, а не морских тварей. Работы и по сей день оставалось предостаточно, однако Агнес не унывала. Нокте удивлялась крепкому здоровью старушки: та ни разу не пожаловалась на боли в спине или ломоту в костях.

– Госпожа, вы что-нибудь видите? – щурясь, служанка поводила фонарем, боясь, что некоторые из ступеней могли обвалиться и она рухнет в ледяную воду (плавать старушка не умела). Нокте перехватила фонарь, взяла Агнес под руку и стала спускаться первой, пока они не остановились у покачивающейся на воде лодочки.

Встревоженные светом, от кормы по веревке испуганно расползлись крабы, исчезнув среди облепивших дно водорослей. От растений исходило голубовато-зеленое мерцание, позволяя и без фонаря разглядеть гальку, перламутровые ра-

ковины и вросшее между камней окоченевшее тело тритона.

– Бастиан нашел его сегодня, когда забирал морепродукты. Как же мертвец здесь очутился? Неужели принесло течением... – Старушка с кряхтением опустилась на колени, всматриваясь в «двуногого». – Выглядит словно спит. До чего красив: волосы черные, чешуя сверкает!

Нокте поставила фонарь рядом с Агнес и спрыгнула в воду, ощутив опоясавший бедра холод.

– Куда вы, простудитесь же! – проворчала служанка, и ее голос эхом разнесся по гроту. – Вот непослушная девица!

Добравшись до тритона, Нокте взяла его за колыхающуюся руку и попыталась вытянуть тело, но камни и водоросли никак не отпускали его. Зелень надежно оплела ноги и шею, в центре груди виднелся порез.

«Прости меня». Девушка поджала губы и, протянув руку, нащупала пальцами пустоту – жемчужина отсутствовала.

Сердце Нокте болезненно сжалось, дыхание перехватило, а взгляд затуманился. Сквозь пелену она увидела живого тритона, услышала дивный напев знакомого до боли голоса – ее собственного, которым она обладала с рождения и отдала морской колдунье в обмен на ноги. Тритон полз к ней из воды, губы несчастного расплылись в счастливой улыбке, взгляд зачарован, разум одурманен пением.

Нокте прижала ладони к горлу, ощутив пальцами порезы жабр. «Это пою не я!» – с испугом подумала девушка. Опустив взгляд ниже, она увидела вместо привычных ног склиз-

кий бледно-серый хвост, каким не обладал ни один морской житель. На животе виднелись грубые швы, будто конечность наспех пришили к туловищу, между пальцев с черными ногтями белели перепонки. Нокте коснулась лица и ужаснулась: оно принадлежало неизвестной, в чьем теле она оказалась, и именно на ее песню заманили несчастного. «Уходи, берегись!» – хотела крикнуть девушка, но чужой голос не умолкал. По каменному полу поползла тень. Не своими глазами Нокте увидела костяное лезвие: рукоять украшали мелкие клыки сородичей.

Жертва лежала у хвоста Нокте. Тритон гладил ее разорванные плавники и даже не вскрикнул, когда орудие вошло в его грудь. Песня стала еще громче. Мужская рука отбросила сердце и вырвала окровавленную жемчужину – в полумраке та обрела нежно-розовый оттенок. Нокте потянулась к умирающему тритону и закрыла его глаза.

– Госпожа, возвращайтесь! Ему уже не помочь. – Голос Агнес вернул девушку в грот.

Охваченное резкой слабостью тело онемело, левая рука перестала слушаться. Нокте обернулась к Агнес и стала пробираться сквозь воду, замедляя шаг, пока не остановилась: холод остудил охваченный огнем разум, в ушах зазвучал крик служанки, и девушка потеряла сознание.

Черный утес

Шестнадцать лет назад

Йоханес неотрывно глядел на русалку, боясь пошевелиться. Ему казалось, что стоит сделать крохотный шаг, как морская колдунья набросится на него, перегрызет горло, и старик-отец останется совсем один.

– Боишься? – Русалка провела ноготком по своим окровавленным губам, облизнулась и поманила рукой. – Подойди, я не могу как следует разглядеть тебя.

Напевный голос колдуньи будто оплел Йохана незримыми нитями, и он приблизился к ней. Мурены зашипели, расплескивая воду своими вертлявыми телами, та хлынула юноше на ноги, смыла кровь с песка и утянула надкушенное овечьё сердце. Одна из мурен ловко перехватила мясо пастью, вторая попыталась вырвать. Их потасовку прервала вызванная колдуньей шумная волна: питомцы исчезли в пене, оставив на поверхности пузырьки воздуха.

– Негодницы, никак их не воспитаю, – проворковала колдунья, коснувшись плеча Йохана. Тот зачарованно глядел на нее. – Как твое имя, мой маленький пастушок?

– Йоханес, – прошептал-прохрипел он, склонив голову на бок и ощутив виском ледяную, немного влажную ладонь ру-

салки. Мысли в голове путались. Один голос кричал ему: «Беги!» – другой: «Оставайся на месте».

Колдунья погладила юношу по щеке и одарила поцелуем.

– Люблю смелых, а ты еще и красив... – шепнула она Йохану на ухо, обдав рыбным смрадом.

Губы пастуха покалывало, на кончике языка ощущался солоноватый привкус. Русалка вдруг перестала казаться ужасным монстром и превратилась в привлекательную женщину с рыбьим хвостом, чья чешуя сверкала жидким серебром.

– Хочешь погладить?

Колдунья притянула его к себе, черные локоны упали на грудь Йоханеса, оставив на рубахе влажные следы. Дрожащими пальцами юноша коснулся бедра русалки, ощутил бархатистость чешуек и услышал стон.

– Я сделал тебе больно? – удрученно спросил он, но в ответ получил насмешливый взгляд.

– Нисколько, мой дорогой. Уже очень давно ни один человеческий мужчина не прикасался ко мне, я истосковалась по теплу. – Колдунья поддела шнурок его рубашки ногтем и распустила узелок.

От смущения у Йохана загорелись щеки, тело охватил жар, который русалка мгновенно остудила, стянув с него рубаху и запечатлев на груди поцелуи (от них остались крохотные багровые следы укусов). Холодные, немного склизкие руки колдуньи погладили юношеские плечи и плоский жи-

вот.

От напряжения в висках застучало, дыхание перехватило, Йохан едва устоял на ногах. Сильные руки колдуньи успели подхватить юношу и уложили на песок. Всего на миг Йоханес увидел настоящую женщину – с длинными ногами, нежной, румяной кожей. Черные тугие локоны накрывали лицо юноши, когда колдунья склонялась над ним и до боли кусала-целовала его губы. Запах крови усилился, смешавшись с сыростью и вскружив пастуху голову. Волны с шумом ударялись о камни грота, убаюкивая любовников.

– Приходи еще... – донесся до пастуха напев колдуньи, выскользнувшей из объятий засыпающего Йохана.

Он пробудился от холода. Осмотревшись, юноша приподнялся на локтях и вскрикнул от боли: бедра, грудь и руки покрывали успевшие подсохнуть порезы, оставленные русалочьими плавниками. Самой колдуньи в гроте не оказалось. Растворилась, будто смытая волной ракушка.

Подобрав разорванную одежду, Йохан тяжело вздохнул и вернулся к стаду. О мертвой овце он даже не горевал, соврав отцу, что та сорвалась с утеса.

* * *

Агнес успела схватить госпожу за руку, прежде чем та пошла ко дну. Поднатужившись, служанка вытянула девушку на пристань. Времени, чтобы позвать на помощь Бастиана,

не было.

– Помоги отнести госпожу в спальню, – взмолилась она, обернувшись к незаметно подплывшему Хаосу. Любопытство того стало удачей для старухи.

Тритон ошетилил плавники, зашипел и, смерив служанку презрительным взглядом, нырнул на глубину. От пристани отделилась волна и, накрыв тело Хаоса, окружила плотным водяным шаром и подняла в воздух.

– Выполний, что приказано, и, возможно, я помогу тебе узнать, кто убийца твоих братьев, – прохрипела Агнес, держа над собой сжатую в кулак когтистую руку. Помолодевшие пальцы посеребрила чешуя. Морщины разгладились, вернув лицу прежнюю холодную красоту. Черные локоны рассыпались по плечам.

Морская колдунья перенесла водяной шар на мостик и разжала пальцы. Вода с шумом хлынула вниз, и тритон упал на колени, тяжело дыша и прижимая ладони к ребрам. Застряв в ловушке колдовства, он не мог вдохнуть, будто незримая рука Агнес до удушья сжала ему грудь.

– Засунь свою ненависть в раковину и не смей мне ее показывать! Сейчас же помоги донести Нокте. И, быть может, я не убью тебя сегодня, – с усмешкой проговорила колдунья, придерживая голову племянницы.

Хаос скрипнул клыками, но не посмел прекословить. Морская колдунья не носила позорного клейма изгнанницы. После смерти сестры – королевы Адаманды, а затем и коро-

ля она оказалась единственной, в чьи руки дались артефакты. Агнес, скрыв свое подлинное имя Ангела, отказалась от короны в пользу Эриды, только мало кто об этом знал. Хаосу рассказал отец, которому в свое время поведала сама колдунья, прежде чем покинуть коралловую столицу. Никто не знал причин ухода Ангелы, как и не понимал, почему она искалечила судьбу Нокте: посмела заключить с принцессой сделку, потребовав голос и магию в обмен на человеческие ноги.

«Родная тетка сгубила одну племянницу и одарила властью другую».

– Поторапливайся! – прорычала Ангела-Агнес, кивнув на мертвенно-бледную Нокте.

Хаос прикоснулся к девушке. Он ощутил во рту кислый привкус, но сдержал тошноту и последовал за колдуньей с Нокте на руках. Уложив несчастную на кровать, Агнес занялась племянницей. Не решаясь уйти, Хаос пристроился у окна: морской воздух помогал избавиться от дурноты и ненадолго забыть о зуде в ладонях после прикосновения к женском телу.

Агнес принесла длинный сверток, из которого вытянула серебряную иглу с крючком на конце и глубокую миску. Под мышкой она удерживала большую деревянную шкатулку. Открыв ее ключиком размером с мизинец, вытащила два стеклянных флакона. Женщина налила воды в кубок, смешала травяные настойки и поднесла питье Нокте. Придерживая

госпоже голову, Агнес стала постепенно вливать жидкость в горло девушки.

– Давай, моя красавица, по чуть-чуть, вот так... – приговаривала служанка. – Это быстро поставит тебя на ноги.

Сложив руки на груди, Хаос хмуро поглядывал на манипуляции колдуньи.

«Проклятая химера. Ей не нужно колдовать, чтобы обернуться человеком, она родилась с мутацией».

– Иди сюда, – скомандовала та, и тритон нехотя подчинился.

– Не стоит делать такое скорбное лицо, а то решу, что ты желаешь его подправить. – Агнес хитро прищурилась, проведя ланцетом¹⁰ перед своими губами. – Держи. – И сунула ему в руку миску.

Хаос скрипнул клыками, но продолжил молча выполнять указания. Колдунья оттянула рукав платья Нокте и проткнула голубоватую вену инструментом. На светлой коже выступила ярко-красная капля, и в чашу потекла струйка крови.

Агнес держала племянницу за руку, губы ведьмы шевелились, отсчитывая секунды, прежде чем она убрала ланцет и быстро перевязала место укола.

– Можешь выпить. – Колдунья противно захихикала.

Хаосу захотелось швырнуть в нее чашей, но он поставил посуду на тумбочку. Пальцы дрожали, в носу нестерпимо че-

¹⁰ Ланцет (от лат. lancea – копье) – колющий хирургический инструмент с обоюдоострым лезвием для вскрытия нарывов и т. п.

салось. Кровь Нокте будоражила мутировавшего тритона.

Осмелев, он задал вопрос:

– Почему вы так живете?

Колдунья ухмыльнулась.

– Где мне еще быть, как не подле своей жемчужинки? Я вырастила их с Эридой себе на замену, но младшая поплыла по одному течению, а старшая – по-другому. Их будущее до последнего было сокрыто от меня. – Агнес укрыла Нокте одеялом и, подтащив стул, уселась рядом.

– Она умрет? – выдавил Хаос, не до конца осознавая, насколько сильно этого желает.

– Не сегодня, а ты ступай и о случившемся никому ни слова. Что до сведений, которых ты так жаждал, – они у Эреба. – Колдунья даже не взглянула на него, неотрывно смотря на племянницу и постепенно обретая прежний старушечий облик: волосы поседели, одежда повисла на вмиг усохшем теле, спина искривилась, а чешуя растворилась в покрытой пятнами морщинистой коже.

Не поворачиваясь к Агнес спиной, тритон покинул спальню, вернувшись в грот за телом брата. Если он доставит его в Сомбру, другие решат, что он так же сбежал и подвергся нападению чудовищ.

«Форкий, ты принес нашему братству дурную славу. Каждый из морского племени знает: от предателей можно ожидать чего угодно, даже если они из благородных, как Герас».

Разорвав водоросли когтями, Хаос взял мертвого под

мышки и потянул на себя. Тело нехотя выскользнуло из каменных объятий.

«Я отнесу тебя домой, брат», – Хаос сжал руку Гераса, как когда-то в детстве старший брат держал его, водя по коралловому саду столицы, показывая красоты – диковинные раковины и морские цветы. Им обоим, Хаосу и Эфиру, Герас заменил вечно отсутствующего отца. Эреб стремился к славе воина и мечтал возвысить сыновей.

Тритон замер, осмотрел тело брата и нахмурился: «Кажется, я зря унес тебя из грота. Изгнанников запрещено хоронить в жерле вулкана – их скармливают чудовищам». Но возвращаться было поздно, как и просить колдунью помочь с погребением. «Морская bestия может приказать что угодно или вовсе откажется помогать. Может, отец не будет столь жесток к гибели собственного сына». До Сомбры Хаоса одолевали сомнения. Однако вместо того, чтобы подплыть к главному входу, тритон вильнул к вырезанным в дереве окнам своей кельи (он практически в ней не бывал, проводя большую часть времени подле Черного утеса). Эфир с радостью поменялся бы с ним местами, но не смел увиливать от обязанностей. Когда Хаос плавал возле утеса, Эфир нес караул на границе, согреваясь в проникающих с юга на север теплых водах.

Повернув гвоздь, скрытый между деревяшек оконной рамы, Хаос проник в каюту и уложил тело брата в гамак. В отличие от Имбры, где воины квартировали в удобных и чи-

стых пещерах в недрах скалы, «спальни» Сомбры были разбросаны по затонувшим кораблям – кто нашел себе подходящее место, там и обосновался.

Не без сожаления Хаос вспоминал тоннели из белого камня, подсвеченные голубоватым светом кораллов. С потолка гротов опускался занавес из мерцающих синевой пещерных светлячков, чьи личинки собирались на нитях в шарики. «Гирлянда» едва доставала до воды, напоминая многочисленные тропинки, указывающие тритонам направление.

В ночное время вход в Имбру защищала живая изгородь из бирюзовых актиний¹¹. Их щупальца мирно колыхались, но стоило неизвестному нарушить границу, и «цветы» оплетали жертву, парализуя ядом и превращая в застывшую статую. В остальное время актинии спокойно уживались с тритонами, позволяя «пересаживать» себя с места на место.

Хаос знал нескольких имбрийцев, которые ни разу не брались за трезубцы, занимаясь лишь хозяйственными делами и подводным садоводством. Некоторые из аристократов, самые высокомерные, относились к ним с презрением, считая службу королеве и защиту границ престижнее уборки гротов и чистки посуды. Свое жилье Хаос делил с Форкием. Еще в Сомбре напарник показал себя виртуозным лжецом, умеющим выкрутиться из любой неприятности или увильнуть от службы. Даже Хаосу не всегда было понятно, когда

¹¹ Актинии, или морские анемоны (лат. Actiniaria), – отряд морских стрекающих из класса коралловых полипов (Anthozoa).

Форкий лжет, а когда честен. В Имбре у них было множество задач: защита границ, наблюдение за людьми, отслеживание активности и размножение монстров. Когда течение становилось теплым, на границе севера и юга из подводных трещин выплывали аквапилы и начинали быстро размножаться. За проникновение в южные воды опасных детенышей и нападение их на людей глава Имбры Аргалид мог вырвать плавники или вовсе лишить подчиненных головы. По заключенному после войны мирному договору морские жители обязались защищать двуногих от напастей стихии, а люди, в свою очередь, – не охотиться на хвостатых и ловить рыбу лишь в оговоренных местах, не мешая ежегодной «ловле» имбрийцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.